

Попав за решетку, редкая семья не попытается дать на лапу тюремным стражникам.

Каких-то баснословных сумм никто не ждал, но с каждого нового арестанта тюремные стражники стабильно имели по три-пять ланов серебра. А если у бедолаги за душой не водилось ни гроша, то и возиться с ним никто не думал.

Впрочем, здешний каземат и без того мало походил на приличное место — условия в нем были куда паршивее, чем в самой захудалой крестьянской избе.

Однако Дин Тянь, хоть и служил теперь тюремным стражником, вырос в другом мире и не разделял подобного цинизма. Брать взятки напропалую ему казалось делом скверным. Хочет родня подкинуть монету — ладно, бери, но тогда и отработывай честно: еду посытнее принеси или солому свежую постели. Если же денег нет — бог с ними, на нет и суда нет. Преступники они и есть преступники, за красивые глаза их баловать никто не обязан, но и лютовать понапрасну, изводя людей понапрасну, тоже не след.

Собравшись с мыслями, он отсчитал десять ланов серебра, набил кошель медной звенящей мелочью и приготовил приличную одежду для поездки в Город Ньюцзяо.

Раздумья прервал легкий стук в дверь — это пришла Гуйхуа, позвать его к ужину.

Дин Тянь запер дом и поспешил к усадьбе второго дяди. Сегодня, в пятнадцатый день второго лунного месяца, всей семье полагалось собраться за одним столом на традиционный праздничный ужин.

Просторный дом второго дяди делился на три внутренних двора. Комнаты у самых ворот, выходившие дверями прямо на улицу, занимала единственная в деревне бакалейная лавка. Во втором дворе обустроились сами хозяева — Второй дядя с женой, а их сыновья, двоюродные братья Тяня, заняли восточный и западный флигели. В глубине усадьбы, в самом тихом и защищенном крыле, жила младшая сестрица, за которой раскинулся просторный задний двор. Там, у северной стены, теснились загоны для скотины. В одном из боковых пристроев выстроились телеги и громоздился тяжелый крестьянский инвентарь, а другой пристрой служил надежным семейным амбаром, доверху засыпанным зерном.

Самого же сада — такого, как у богатых господ в Городе Ньюцзяо, — здесь, конечно, не водилось. Вместо изящных беседок и прудов землю занимали ровные грядки. Огород полностью находился на попечении женщин, и каждый год они собирали отменный урожай свежей зелени и овощей.

Помня о твердом обещании как следует откормить исхудавшего племянника, Второй дядя не поскупился и лично зарезал двух молодых петушков. К праздничному столу наварили целый чугунок нежной курятины с сушеными лесными грибами. На второе подали хрустящие соевые ростки, обжаренные с ароматной домашней грудинкой. Порции ломились от щедрости, а в качестве основного блюда подали простую, но сытную кашу из смеси проса и риса.

Вскоре на пороге показалось и семейство третьего дяди. Третья тетя пришла не с пустыми руками — она несла заботливо укутанное глубокое блюдо. Перед самым уходом она срезала свежие перья молодого чеснока, чисто промыла их и прихватила с собой корзинку свежих яиц. Прямо здесь, у дядинога очага, она на скорую руку приготовила отменную яичницу с зеленью.

Собралась шумная, дружная компания, и ужин потек своей чередой в теплых разговорах.

За едой Дин Тянь решил поделиться планами:

— Завтра съезжу в Город Ньюцзяо, осмотрюсь. Если все сложится удачно, то приму дела в управе и... приступлю к службе.

— И то верно, пора бы уже, — одобрительно кивнул Дин Дацзян. — Сейчас повсюду к весеннему севу готовятся. Слышал я, что сам уездный судья глаз с полей не спускает. С тех пор как война утихла, всего три года прошло. Льготные годы кончились, так что с этой осени с нас опять станут драть налоги в казну. Но погоди, коли ты на службу уйдешь, как быть с твоей пашней?

— Сдал в аренду, — ответил Тянь, подхватив палочками сочную чесночную стрелку. — Вижу ведь, что вам с третьим дядей и на своих-то наделах рук не хватает, куда еще мои тащить. Вот и договорился с семьей Дин Каня. Живут они скудно, перебиваются с хлеба на квас. Я им пообещал: как только вы со своими весенними трудами закончите, отдадим им нашего вола на подмогу.

— Ну, за вола не переживай, у нас скотины вдоволь, выделим им одного без ущерба для хозяйства, — проговорил Дин Дахэ, прожевав кусок. — Семья у них и впрямь... на ладан дышит. А уж этот Каньцзы... Эх, горе луковое...

При упоминании Дин Каня за столом все невольно расплылись в добродушных улыбках.

— Ну, сейчас они, может, и бедствуют, зато погоди — со временем точно поднимутся! Вы только посмотрите, сколько у них детишек подрастает, прямо мал мала меньше! — весело усмехнулся Дин Дацзян. — Как девки на выданье пойдут, Каньцзы на одном только выкупе за невест целое состояние сколотит!

В округе все знали, что род Дин славится плодovitостью. Семьи, обделенные наследниками, спали и видели, как бы заполучить невесту из их дома в надежде на скорое продолжение рода.

Вторая тетя ласково погладила по волосам младшую дочь:

— Нашей Гуйхуа уже тринадцатый пошел. Не успеем оглянуться, как пятнадцать стукнет. Пора и о приданом подумать.

— Тетушка, к чему спешить? — Дин Тянь с улыбкой положил в миску двоюродной сестры самый сочный кусок курятины. — Сестра Дин Тяня старой девой точно не останется.

Скромница Гуйхуа благодарно улыбнулась брату, но есть не торопилась. Ловко разделив кусок палочками пополам, она оставила себе косточку с тонкими волокнами мяса, а вторую половину — самую нежную и мясистую — переложила в чашку шестилетнего Дин Цзи, младшего сына второго дяди.

Дин Тянь нахмурился и перевел взгляд на сидевшую рядом Чахуа. Желая побаловать и ее, он опустил кусочек птицы в ее миску. Но девочка без лишних слов в точности повторила жест сестры: разломилла угощение надвое, отдала чистое мясо братишке Дин Чэну, а себе приберегла лишь обглоданную кость.

И что самое поразительное — за столом никто даже бровью не повел. Для всех это было в порядке вещей. Девчушки прилежно тянулись палочками к тушеным грибам да соевым росткам, почти не притрагиваясь к мясному блюду.

Тянь мысленно вздохнул. В сотый раз перед его глазами разверзлась непреодолимая пропасть между мужчинами и женщинами в этом суровом мире. Бездна эта казалась глубже Марианской впадины.

"Слава всем богам, что я переродился мужчиной, — подумал он с искренним облегчением. — Очутись я здесь в девичьем теле — удавился бы в первую же ночь".

<http://bllate.org/book/19387/1959631>